

П. А. СОРОКИН

«Смена вех» как социальный симптом

Этот сборник заслуживает большого внимания. Не в силу его литературных или других достоинств, не в силу глубины или новизны мыслей (и в том и в другом отношении он более чем посредственен), а как социальный симптом. В этом аспекте интересен как сборник, так и те споры, которые порождаются вокруг него.

Авторами сборника являются лица весьма правого направления. Часть из них была активными сподвижниками Колчака; часть, вроде Бобрищева-Пушкина, октябристами. Таково «прошлое» участников сборника. Каково же их настоящее? Что они проповедают? К чему призывают? Какие вехи намечают? — весьма не сложные и весьма элементарные. Они зовут интеллигенцию и всех вообще «В Каноссу» — так озаглавлена одна из статей. Этот лозунг они выкидывают не потому, что стали коммунистами (они очень далеки от коммунизма), а по самым антикоммунистическим мотивам. Они зовут к работе потому, во-первых, что Советская власть укрепилась, является единственной государственной властью России, иной нет и быть сейчас не может. Подрывать, уничтожать, бороться с нею значит перебить у России становой хребет и способствовать дальнейшей ее анархизации. Выбор стоит, говорят участники сборника, не между хорошей и плохой властью, а между властью и безвластием. Пади данная власть, — и снова воцарится анархия, которая окончательно доканает Россию. В интересах России сохранение и укрепление власти.

Во-вторых, существующая власть не хуже всех возможных властей. Она лучше всевозможных «белых» властей уже потому, что сумела власть захватить, удержать, победить противников, установить порядок и прекратить анархию. Ее недостатки — результат самой ре-

волюции. Ее железная рука — необходимость. Ее террор — не хуже белого террора. Словом, «победителя не судят».

В-третьих, мудрость власти свидетельствует ее способностью эволюционировать, ее пониманием задач момента. Термидор у нас не нужен, ибо он уже совершился. Он произведен руками самой власти, с момента ее перехода к новой экономической политике.

В-четвертых, — и это самое важное, — следует «идти в Каноссу» всем, кто любит Россию, родину, отечество, потому что руками власти делается великое национальное дело. Не ведая, сама власть на деле лучше всех Колчаков, Врангелей, учредиловцев и др. белогвардейцев выступала и выступает защитницей и охранительницей подлинных интересов русского государства. Руками «еврея Троцкого» создается Красная Армия, защищающая не коммунизм, а Отечество. Коммунизм на деле привел и приводит к национализму, III-й Интернационал является великолепным орудием чисто империалистической политики Русского государства, большевики собирателями земли Русской. Через коммунизм — к национализму, через Интернационал — к империализму, через Советскую власть — к возрождению «великой, единой и неделимой России», через развившуюся до конца революцию — к уничтожению всякой революции в будущем («третьей революции не быть») — такова программа авторов «Смена Вех».

Как видит читатель, концепция «сменовеховцев» довольно проста. Я не намерен хвалить или порицать их, для меня сборник интересен как симптом. В этом же смысле очень интересно для меня отношение к нему и те споры, которые сейчас ведутся вокруг до около сборника.

Прежде всего, чью идеологию выражает сборник? Голосом какой социальной группы он является? Ответ прост. Это не идеология крестьянства и не идеология каннибалистов¹. «Смена вех» — идеология: 1) той части интеллигенции, которая носит название «госспецов», и 2) той пестрой группы лиц, которая коммерчески питается от власти в форме разных подачек, sinecur, концессий и т.п. Интересы этой соц. группы ближайшим образом связаны с бытием устойчивой и сильной государственной власти. Она питается от нее и кормится ею. Чем более благоденствует первая, тем более благоденствует вторая; крушение первой влечет гибель второй. Всякая власть склонна свои интересы считать совпадающими с интересами государства и народа. И социальная группа «госспецов» и «госклиентов» обычно свои интересы считает за интересы народа, родины, отечества, свое благоденствие за благоденствие последних. А так как ее бытие зависит от власти, способной питать ее богатыми окладами, пайками и прочими дарами, то по существу группа «госспецов» и «госклиентов» заинтересо-

вана лишь в том, чтобы была сильная власть. А какова эта власть: правая или левая, Романов², Колчак или Ленин — это не важно для этой группы. Для нее важно лишь бытие сильной власти: будет она — будут благоденствовать «госклиенты» и «госспецы»; не будет первой — плохо будет и второй. А потому — то они всегда так тоскуют по железной власти, потому-то всегда (не только в данном случае с легкостью шара перекачиваются от Романова к Колчаку, от октябризма к коммунизму, и, если нужно, обратно. Потому — то всегда неустойчивы и беспринципны. Сегодня готовы кричать: «Да здравствует Цезарь!»³ Завтра — «Да здравствует Брут!»⁴, если этот будет сильной и кормящей властью. Такова психология и мораль, сущая этой группе по ее социальной природе. По этой же причине она (одна соединять несоединимое: одной рукой звать к интернационалу, другой — к национализму, шуйцей подписывать декреты коммунизма, десницей — империализму и т.д. Этой группе нужна власть. Следуя человеческому свойству подкрашивать (субъективно — вполне искренно) реальные мотивы своих поступков благородными словами, эта группа (как и другие) всегда одевала и одевает очерченные интересы в пышные слова и одежды. То же видим и в данном случае. Тоску по кормящей власти она одевает в «тоску по родине», в идеологию возрождения государства, интересов отечества, государственной мощи и величия (в других случаях с той же легкостью она может одевать их в интересы «человечества», «революции», «прогресса», «демократии», «социализма», «интернационала», «монархии» и т.д. смотря по обстоятельствам). Далее, как всякая социальная группа склонна преувеличивать свое социальное значение и свою социальную роль, так и данная группа имеет свою «идиосинкразию». Она полагает, что в ней сила, что от того, как она поведет себя, будет зависеть ход истории. Стоит ей по-настоящему впрячься в дышло государственной колесницы — и все пойдет как по маслу! процветет страна, расцветет хозяйство и воцарятся благодать, изобилие, довольство. Отойди она от дела — и все рухнет. Эта преувеличенная оценка своей роли ясна в сборнике и отчетливо слышится в речах лиц, популяризирующих его в наших палестинах.

Из той же социальной природы этой группы следует и то ее свойство, что она только и свету видит, что в окошке всякой государственной власти. Для нее органически недоступно то представление, что на пользу страны, на пользу родины или человечества не с меньшей, а с большей пользой можно работать параллельно и независимо от правительства, не входя в состав агентов последнего (каково бы оно ни было), не распевая ни: «Осанна!», ни «Долой»; по его адресу

связанная кровно с бытием власти эта группа никогда не говорит: «работайте из всех сил на пользу родины там и так, где и как может каждый», а непременно скажет: «работайте вместе со всякой властью, в рядах ее агентов, под его руководством, с приложением казенной печати, согласно циркуляру за номером таким-то». Оттого-то ее призыв к работе неизбежно выливается в призыв к работе с властью. Если у власти Колчак — она призывает к совместной работе («на пользу родины» и т. д.) с Колчаком и сама входит в число его агентов и т. д.

Как видно отсюда — все характерные черты «Смены вех» логически вытекают и становятся вполне понятными из анализа социальной природы указанной группы.

* * *

Сказанное выше позволяет вполне определенно оценить и ту роль, которую сборник играет практически.

Во-первых, он найдет горячую поддержку во всей группе «госспецов» и лиц, живущих подачками власти. Он оформляет и уясняет идеологию этой группы, он дает «оправдание» ее интересам и устремлениям.

Этим самым я говорю, во-вторых, что он не произведет впечатления на социальные группы, работа, жизнь и интересы которых не связаны кровно с властью. Идеология сборника, его специфические черты не привьются ни к крестьянству, ни к землевладельцам, ни к капиталистам (поскольку настоящие интересы их лежат в плоскости производства, а не простой чисто хищнической эксплуатации власти), ни к пролетариату, ни к интеллигенции, привыкшей работать независимо от власти, параллельно с нею. Та же мысль на ином языке гласит: Сборник будет встречен враждебно и подлинными контрреволюционерами, и подлинными революционерами, ибо ни те, ни другие не могут «в одну телегу впрячь» коммунизм и империализм, интернационал и национал, интересы революции и контрреволюции, как это могут делать идеологи «Смены вех». В-третьих, так как я не думаю, что группа «госспецов» и «госклиентов» — «соль земли», влияние которой огромно и решающе (наоборот, социальное влияние ее весьма незначительно), то я полагаю, что практическая роль сборника будет небольшой: коромысло весов истории России мало покачнется от того, куда поместит себя эта группа: на чашку ли правительства или на другую.

В-четвертых, весьма знаменательно отношение к сборнику и со стороны некоторых представителей власти. Несмотря на «антикоммунизм» настроения его участников, он принят благосклонно. Это значит, что и иные представители власти находят возможным совмещение национала с интернационалом, революции с привенцией ее в будущем, коммунизма с империализмом. Для подлинного революционера, как правильно было замечено в одном докладе, этот сборник — «пощечина», которую он непременно должен был бы смыть, чтобы не замарать своего знамени.

Таково значение сборника как «симптома». И таков смысл тех явлений, которые он вскрывает как социальный реактив...

Что касается лично моих взглядов, то безотносительно к данной власти я видел и вижу один из коренных недочетов нашей интеллигенции в том, что она придавала слишком исключительное значение госуд. власти вообще. Это проявлялось ею и тогда, когда она все надежды возлагала на нее, и тогда, когда она все зло видела в ней. В первом случае она изо всех сил звала на поддержку власти, во втором — на борьбу с ней. Оттого — то «политика» играла такую исключительную роль в ее деятельности, оттого — то ею и окрашивалось все, что она делала и оценивала.

Иная, я бы сказал «англо — саксонская», позиция была ей чуждой. Это позиция «самодеятельности», независимо от власти, позиция «самоуправления», не связывающая свою работу исключительно с государственной бюрократией ни в научной, ни в просветительской, ни в экономической, ни в какой бы то ни было области общественной работы. Она не ведет ни к апологии, ни к враждебности к власти, не ждет спасения от нее, как не видит в ней причину всех зол. Ее надежды возлагаются на личную инициативную энергию граждан государства. Ее опасения — недостаток этих свойств в последних. На этом принципе, как известно, покоится все общественное здание англо-саксонских и отчасти скандинавских обществ⁵. Он тот живой дух, которым они живут, ему обязаны они своей мощью и процветанием. Нам этого не хватало. У нас никогда не было недостатка в призывах к власти или в призывах к ее низвержению. Вместо того, чтобы работать независимо от нее, мы всегда ставили дилемму: за или против. Если ученый занимался наукой и не выказывал неодобрения власти — ему это ставили в вину оппозиционеры власти; если он указывал промахи власти — это ставили в вину агенты власти. Все общество делилось непременно на два лагеря и тратило энергию во взаимной борьбе. Иного указанного выхода как будто не было. Пора на него указать.

В частности, особенно странным кажется мне призыв «записываться в казенные работники» теперь. Да разве не вся почти интеллигенция служит? Разве не переполнены ею государственные учреждения? Если спасение только в работе интеллигенции в рядах агентов власти и согласно ее циркулярам, то все должно было бы за эти годы процветать. Ведь все были служащими государства, все делалось по декретам, но получилось нечто иное. Состояние в казенных рядах убило и инициативу, и творчество, и серьезное отношение к делу, создало апатию и творческую импотенцию, с одной стороны, с другой — безудержное прожектерство, высасывающее от власти под формой «научоподобных» проектов громадные суммы. И если это в экономической области понято самой властью, после опыта, то, кажется, нетрудно понять то же и в других областях. Посему можно и должно звать всех к производительной работе по возрождению страны, но ниоткуда не следует, что эта работа может и должна совершаться только по штампам и циркулярам в качестве агентов власти и чиновников, или наоборот — должна быть непременно работой, низвергающей власть. В первом отношении призыв «сменовеховцев», по меньшей мере, опоздал на $1\frac{1}{3}$ года; при «новой экономической политике» он звучит архаизмом. Еще большим архаизмом звучат всякие заговорщические и ниспровергающие идеологии. Личный почин, личная инициатива, личная энергия, производительная работа «по совести», а не согласно указке и капризам кого бы то ни было, — вот то, что нужно. Будет это — приложится все остальное. Не будет этого — не спасут никакие надежды ни на белую, ни на красную власть. Пора это усвоить и усвоить прочно.

